

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИОТИПА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Марина Ивановна Цветаева — поэт большой, подлинный. Ее не спутаешь ни с кем другим, она феномен не только русской поэзии, но, может быть, прежде всего, русской культуры, человек сложной, трагической судьбы. Своеобразие ее произведений поможет нам понять идентификация ее социотипа.

Человек наиболее ярко проявляется по блоку Эго соционической модели А. Это блок интеллекта, жизненной позиции, жизненных ценностей и творческой реализации личности. Рассмотрим, как это проявляется в творчестве М.Цветаевой.

Характерными для нее были, особенно в ранних произведениях, под влиянием воспитавшей ее романтической литературы и яркой личности матери (социотип $\blacksquare\Delta$ (ЭИЭ)) романтические мотивы, которые со временем перешли в бурные драматические, трагические переживания. Вот что Марина пишет о матери: «Ее измученная душа живет в нас¹. Ее мятеж, безумие, ее жажда дошли в нас до крика». Каждый миг своей жизни она эмоционально описывает так, как будто это один единственный миг в ее жизни и она его проживает вся без остатка. Эта душевная жизнь сложная, часто мучительная, ее восприятие трагично, мир видится в темных красках. Душевного комфорта не было никогда, даже при благоприятных жизненных обстоятельствах.

«Видно грусть оставила в наследство,
Ты, о мама, девочкам своим».

В ее поэзии проступает трагический образ женщины, не нашедшей в мире счастья.

«Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой...»

Тоска была ее постоянным спутником. Она писала: «Только в тоске мы победим над скукой».

Еще в ранних стихах появляются мотивы смерти.

«Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру!»

Была попытка суицида в театре на представлении «Орленка» Ростана, ее любимого произведения, где играла С.Бернар. Спасла осечка револьвера. Уже в эмиграции в Париже при расставании с сестрой сказала плача: «Отъезд, как ни кинь, — всегда смерть!».

Обладала трудным, своевольным, неровным, неуступчивым характером, ни с чем не мирящимся взыскующим нравом. Писала о себе: «Я мятежница с вихрем в крови».

«Я не верю стихам, которые льются,
Рвутся — да!»

Эта «разорванность души» терзала ее мужа Сергея Эфрона (социотип $\Delta\blacksquare$ (ИЭИ)). Ему был неприятен ее истерический деспотизм и все же он писал о ней: «Одинокое, безмерно ранимое существо».

Обладала безмерностью, неистовостью и противоречивостью чувств. В ее стихах присутствовали все оттенки страсти от начинающейся до беспредельно накаленной, все чувства — от преданной любви до сокрушающей ненависти. Она писала: «Безмерность моих слов — только слабая тень безмерности моих чувств».

«Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь, горечь, вечный искус
Окончательнее пасть.

Я от горечи целую всех, кто молод и хорош...»

Любовь — это разлад, а не гармония.

---

¹ - Сестрах Марине и Анастасии.

«Любовь — это плоть и кровь,
Цвет, собственной кровью полит.

.....
Любовь — это все дары в костер
И всегда задаром

.....
И прежде всего одна постель»

Ее собственная этическая программа не согласовывалась с общепринятыми правилами. Вот что пишет ее сестра Анастасия Цветаева: «Была в Марине с детства какая-то брешь в ее соотношениях с дурным и хорошим: она легко и пылко делала зло, нелегко на добро сдавалась. Насмехаясь отрицала суд над собой».

В ней жил протест, бунтарство против общепринятых и общеисполняемых приличий, против всего, что — как у всех. Во всех произведениях присутствуют противоречивость, борьба противоположностей, конфликт с окружением.

«Всего хочу: с душой цыгана
Идти под тени на разбой,
За всех страдать хочу под звук органа
И амазонкой мчаться в бой

.....
Чтоб был безумьем — каждый день!»

Любимые цветаевские образы огонь и мрак, полет ввысь и вниз. Она пишет о конфликте быта и бытия, страсти и идеальной любви, души и тела, благости и греховности, ежеминутности и вечности. Все это одинаково необходимо душе поэта.

«Веселись душа, пей и ешь!

А наступит срок -

Положите меня промеж четырех дорог...»

"Всю жизнь была велика и не удовлетворена ее потребность в читателях, слушателях, в быстром и непосредственном отклике на написанное» — пишет ее дочь Ариадна Эфрон. Хотела быть во всем единственной, непохожей, уникальной, хотела передать энергию, эмоции своей души другим.

На основании всего этого можно сделать вывод, что самой сильной — первой функцией блока Эго у М.Цветаевой была этика эмоций +1.

Марина Цветаева обладала хорошо развитым чувством времени и чутко отзывалась на различные события своего века. Ее стихи всегда современны. Она писала: «...во мне нового ничего, кроме моей поэтической отзывчивости на новое звучание воздуха». В молодости это был воспитавший ее романтизм. Октябрьскую революцию она ощутила, как могучую и безграничную стихию, силу которой она восприняла и вобрала в себя. Когда в Европе набрал силу фашизм, писала гневные антифашистские стихи, проклиная фашистов и предрекая им неизбежную гибель. Ритмы ее стихов — это ритмы XX века. Ее произведения «Царь-девица», «Молодец», «Красный конь» — заказы времени. «Служение поэта времени — оно есть! — есть служение мимовольное, т.е. роковое: не могу не. Настоящее. Да есть ли оно?» — писала Цветаева в статье «Поэты время». Там же она писала: «Заказ мне времени есть моя дань времени». Ее собственный вызов времени:

«Ибо мимо родилась
Времени вотще и вще -
Требуешь! Калиф на час —
Время! Я тебя миную.»

В ее произведениях чувствуется противоречивость развития событий, их драматический исход.

У Марины и ее сестры была жажда вспоминать прошлое и заглядывать в будущее.

«В наших душах, воспитанных сказкой

Тихо плакала грусть о былом»

Она чувствовала (и не ошиблась), что в будущем

"Нашим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед».

Даже предпочитала красивым цветам плющ, вереск, кустарник за их мужественность и долговечность. Любила повторять: «Воображение правит миром». Писала о себе, что у нее слепота к действительности, ясновидение к скрытой сути.

Все это позволяет сделать вывод, что вторая функция блока Эго М.Цветаевой — интуиция времени -Δ2.

Таким образом, в результате идентификации блока Эго М.Цветаева — этико-интуитивный экстраверт ■Δ (ЭИЭ).

Проведем верификацию по блоку СуперЭго. Как же проявлялась у М.Цветаевой третья ролевая нормативная функция деловая логика +■3? По свидетельству ее дочери Ариадны Эфрон она была неспособна к математике, чужда какой-либо техники. Боялась эскалаторов, лифтов. Она как бы подчиняла себя требованию быть деловым человеком, работала потому, что надо. К письменному столу шла, как рабочий к станку, с чувством неизбежности, невозможности иначе. Сидела за столом как пригвожденная. Не любила работать на глазах у других, что характерно для ■Δ (ЭИЭ), не разрешала детям заходить в свою комнату.

Четвертая функция ■Δ (ЭИЭ) — сенсорика ощущений -O4 — функция личного опыта и сомнений. Это была болевая функция М.Цветаевой. Она с трудом создавала вокруг себя комфортные условия, не умела создать уют. Не любила ходить на рынок, приготавливать пищу. Согласно воспоминаниям дочери, была спартански скромна в привычках, умерена в еде. Ненавидела быт из-за неизбежности его, за бесполезную повторяемость ежедневных забот, за то, что пожирает время, необходимое для основного. Выполняла эту рутинную работу по необходимости. Форма и колорит — достоверно осязаемое и достоверно зримое — остались ей чужды. Испытывала неуверенность в своей внешности: ненавидела свою наружность, яркий цвет лица, его округлость, ненавидела свое плотное тело. Ощущение несоответствия ее души и внешности было ее трагедией. Была застенчива, мучительно стеснялась под взглядами людей, но старалась высокомерно скрыть это.

И в натуре и во всех произведениях М.Цветаевой присутствует дух II квадры: восприятие мира с отрицательных позиций: безысходности, подозрительности, страдания, трагедийности, драматизма, с одной стороны, и, в то же время, склонность к доминированию, независимости, волевому давлению, с другой.

М.Цветаева воспитывалась замкнуто, романтично, в отрыве от жизни. Поездка в глубинку, в г.Александров пробудили в ней любовь к России, к русскому фольклору. Появился герой — слабый, нежный, не мужчина — защитник и сила, — а сын — забота и боль — и сильная мужественная героиня, захватчик, собственник в любви. Вот описание царь-девицы:

"Прискакав с ночной атаки
У окна своо над взморьем
Царь-девица саблю чистит.

.....

День встает — врага сражаешь,
Полночь в дом — с полком пируешь.
Люди спать — ты саблю точишь,
В церковь — псов из ручек кормишь».

Ее любимый — нежный, слабый юноша-царевич, весь день играющий на флейте.

Цветаева гениально по наитию определила интегральный тип русского народа (мужчина — Δ■ (ИЭИ), женщина — ●□ (СЛЭ)).

У Цветаевой всегда была жадная тяга к жизни, языческое ощущение себя, стремление все пережить, некое все-хотенье. Властная жадность любить все — одной, больше чем все. Движение оттолкнуть, заслонить, завладеть безраздельно ни с кем не делясь, быть единственной, первой — во всем! Это стремление максимизации положительных эмоций характерно для восприятия II квадры. Это восприятие хорошо описано Ницше в его произведении «Так говорил Заратустра».

М.Цветаевой всегда нравились волевые, деятельные, собранные люди. Она восхищалась Наполеоном, даже поставила его портрет в киот, чем вызвала недовольство отца. Любила цыган.

«Какое зарево. Сегодня
Я буду бешеной Кармен!».

Трудность в определении социотипа М.Цветаевой заключалась в том, что ее внешность не соответствовала традиционной внешности социотипа $\blacksquare\Delta$ (ЭИЭ). Она была похожа на римского юношу, имела тонкий нос с горбинкой, волевые рот и подбородок, широкие плечи, узкие бедра, тонкую талию, длинные ноги. Ее внешность была более логическая, чем этическая. В детстве была драчлива. Если ее задевали, кидалась в драку с братом, сестрой. Обладала недетской силой. Что-то было общее между Мариной и Маленькой разбойницей из сказки «Снежная королева» (социотип $\bullet\square$ (СЛЭ)), которую Марина любила.

И все же вывод однозначен: Марина Цветаева — социотип $\blacksquare\Delta$ (ЭИЭ).

Л и т е р а т у р а :

1. М.Цветаева. Избранное. — М., «Просвещение», 1990.
2. М.Цветаева. Избранные произведения. — Минск, «Наука и техника», 1984.
3. М.Цветаева. Об искусстве. — М., «Искусство», 1991.
4. А.С.Эфрон. Страницы былого.